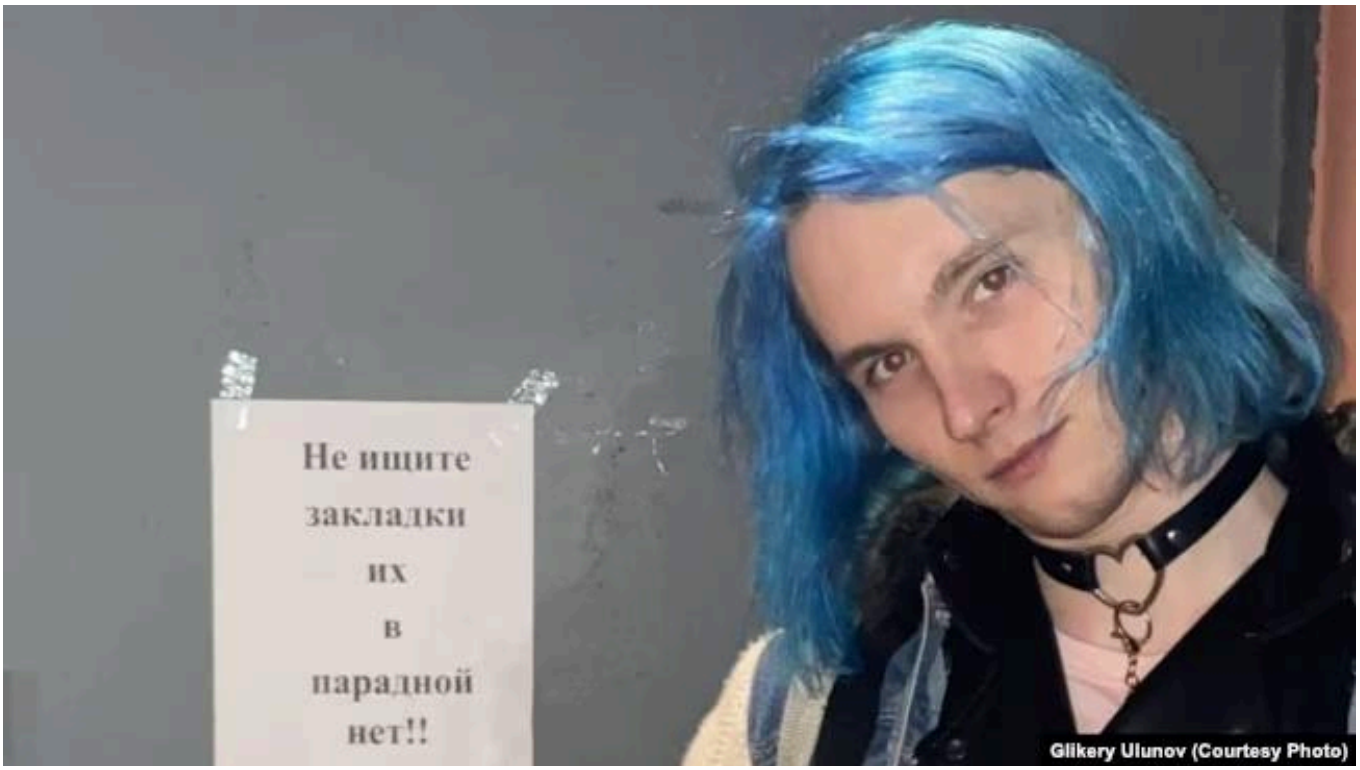
КУЛЬТУРНЫЙ ДНЕВНИК

"Как будто мне это почудилось". Гликерий Улунов – о тюрьме и поэзии

Дмитрий Волчек

24 октября 2026

Гликерий Улунов

В августе 2025 года в Петербурге арестовали поэта Гликерия Улунова. Его обвинили в "организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства", из-за иронического стихотворения "Пять тыщ идей для деструктивного дейта", которое он написал вместе с Софьей Сурковой и опубликовал в проекте "Флаги". Улунову грозило от 5 до 15 лет заключения. Больше девяти месяцев он провёл в СИЗО, а в июне 2026 года Куйбышевский районный суд Петербурга прекратил уголовное дело и освободил поэта. Сразу после освобождения Улунов уехал из России. Прокуратура обжаловала решение суда, и 20 октября Санкт-Петербургский городской суд отменил прекращение дела и вернул его на новое рассмотрение.

В интервью Радио Свобода **Гликерий Улунов** размышляет об опыте заключения и вынужденной эмиграции.

В тюрьме и на воле
by Радио Свобода
EMBED SHARE
0:00 29:59

↗ Pop-out player

Скачать медиафайл

– Солженицын считал, что в тюрьме человек раскрывается, Шаламов – что это абсолютное зло, разлагающее человека. Андрей Синявский написал в лагере "Прогулки с Пушкиным" и говорил, что там ему было очень интересно. После вашего освобождения прошло уже несколько месяцев. Чувствуете ли вы, что тюремный опыт вам что-то дал как писателю, или он только отнял?

– Как писателю он дал некоторый материал – не самый приятный, материал изнаночной жизни. Это действительно была, как называл её Шаламов, отрицательная школа жизни. Для литературы это, может быть, и полезно, но для того, чтобы жить настоящей жизнью, не обратной, не отрицательной, это скорее вредно. И всё же, безусловно, если бы не было этой страшной лагерной, тюремной системы, мы бы не прочитали великих произведений, которые во многом определили облик литературы XX века.

– Не только XX века: вспомним "Записки из Мёртвого дома" или "Балладу Редингской тюрьмы". Да и "120 дней Содома" написаны в Бастилии. Вы говорили, что в тюрьме у вас не было желания писать стихи. А после освобождения?

– К сожалению, до сих пор сложно вернуться к поэзии и вообще к художественному письму. Пытаюсь это преодолеть. Какие-то идеи приходят – в основном связанные именно с опытом заключения, с необычными людьми и обстоятельствами, с которыми пришлось столкнуться. Но сесть и начать писать почему-то не получается. Что-то не загорается.

“ До сих пор остаётся чёткое ощущение, что то, что было в тюрьме, – это что-то фантастическое

– Один мой приятель вышел из тюрьмы, и мы встретились в ресторане большой компанией. Он стал рассказывать ужасы о пресс-хатах, допросах, унижениях. Все посочувствовали, поужасались, а потом перешли к обычным буржуазным разговорам – о вернисажах, фильмах, еде. Наш товарищ был потрясён: он рассказал о невозможном опыте, а мы остались в своём мещанском мирке и не смогли его рассказ осмыслить. Испытываете ли вы нечто подобное – возмущение

от того, что рядом пытают людей, а ваши товарищи обсуждают литературные премии и прочую ерунду?

– Нет, совсем нет. Мне кажется, это правильно – на свободе жить свободой. Понятно, что сейчас у российского демократического движения нет задачи важнее, чем помощь людям, которые оказались в настолько тяжёлых обстоятельствах. Но зачем самим погружаться в эту тематику всей душой?

В тюрьме я подбадривал своих соседей, молодых ребят. Их обвиняли в мошенничестве, и они могли получить до пяти лет. Я им говорил: зато представьте – вы выйдете за ворота тюрьмы, зайдёте в "Пятёрочку" и сами купите себе бутерброд или шоколадку. Сами откроете дверь, сами подойдёте к кассе – это же так круто! И действительно, когда я после освобождения зашёл в супермаркет, это было удивительно, такой сильный контраст.

А потом жизнь пошла своим чередом, и опыт заключения воспринимается так, будто его, возможно, и не было. Как будто мне это почудилось. Я просто продолжаю жить нормальной жизнью – хотя и не совсем нормальной: эмиграция, конечно, отличается от жизни в России. Но до сих пор остаётся чёткое ощущение, что то, что было в тюрьме, – это что-то фантастическое. А если перед сном я снова погружаюсь в мысли о тюрьме, возникает чувство: а настоящее ли то, что происходит сейчас?

– Сложно ли было найти общий язык человеку богемному (надеюсь, это определение вас не обидит) с людьми, осуждёнными за мошенничество и другие подобные преступления?

– С мошенниками как раз было легко: это обычные ребята, дроп-курьеры. Мне встречались и люди, которые сознательно шли на такие преступления – прийти к бабушке, забрать у неё пенсию, украшения и куда-то отнести. Но те, с кем я сидел в камере, пошли на это не по своей воле. Они по наивности доверились каким-то людям в интернете, решили, что работают на Сбербанк или что им чуть ли не ФСБ приказывает совершить такие-то действия. Это были вполне приятные ребята, с ними никаких проблем не было.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Я прощаю вас, ваша честь". В России выносят приговор "Весне"

А с людьми постарше, особенно связанными с тюремной культурой, теми, кто сидел по нескольку раз, подолгу находиться рядом было тяжело. Патриархальная, агрессивная мужская культура проявляется и в общении с обычными ребятами вроде тех мошенников, о которых я говорил, но в общении с такими людьми она не может не проявляться. Для них токсичная маскулинность не просто норма, а норма эксплицитная: это не то, что они воспроизводят неосознанно, а то, к чему они часто стремятся.

– Я вижу по вашим соцсетям, что вы сейчас помогаете политзаключённым – или, по крайней мере, пытаетесь привлечь внимание к судьбам тех, о ком мало что известно. Вы писали, например, о талантливом фотографе Василии Кашперуке. Встречали ли вы политзаключённых в тюрьме?

– В "Крестах" я встречал довольно много политзаключённых. Практически каждый раз, когда я ездил в суд, я сталкивался с людьми, которых обвиняют в терроризме. Например, один человек – не буду его называть, чтобы ему не навредить, – совершенно не оппозиционных взглядов. Его развели мошенники и убедили, что он должен бросить "коктейль Молотова" в стену военкомата, чтобы проверить работу службы безопасности. Он это сделал, и теперь ему дали больше 10 лет. Он очень надеялся, что ему дадут что-то помягче, потому что он никак не связан с оппозиционной политикой. Он, безусловно, политзаключённый. Никакого вреда военкомату он не причинил, просто стеночка немного обгорела. Сидеть за это много лет несправедливо.

Ещё я встречал много людей, которых судят за экстремизм, в первую очередь ребят из движения "Весна". Сейчас у них прошла апелляция, и они начнут разъезжаться по колониям.

У Василия Кашперука очень трагическая история. Он родился в Украине, переехал в Россию, работал на обычной работе, а хобби у него было – фотографировать с квадрокоптера.

Понятно, что я знаю всё только с его слов, но то, что он рассказывал, звучит вполне достоверно. Его задержали, потому что он общался с отцом, который живёт в Украине, и, возможно, пересылал ему деньги. На этом его и поймали. Госизмену вменить не удалось – он гражданин Украины, а не России, – и тогда его начали раскручивать по другим статьям. У него на квадрокоптере нашли те самые фотографии, за которые он получал премии и которые сейчас можно купить на фотобанках. Решили, что он готовится к диверсии, и повесили на него шпионаж. А из-за найденного у него пневматического пистолета заключили, что он собирался докупить к нему настоящее оружие и взрывчатку и создать диверсионную ячейку. Но он действительно профессионально занимается фотографией и не связан ни с

какими организациями, поэтому я считаю, что его словам можно доверять: на самом деле его арестовали и приговорили к 23 годам именно за аэрофотосъёмку.

> **“ Для меня сейчас очень важно поддержать людей, которых не всегда считают политзаключёнными**

Ещё для меня сейчас очень важно поддержать людей, которых не всегда считают политзаключёнными. На мой взгляд, это вполне типичные жертвы политических репрессий. Это люди, которых судят по моей статье 110.2: "организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства". Например, Анна Лугинина, которую судят за паблик с мемами во "ВКонтакте". Там ироничные шутки про виселицы – вполне стандартный шаблон мемов 2010-х: "блин, лучше бы сдохнуть", "блин, я убью себя". За такие мемы она провела уже больше полугода в СИЗО в Туле, а её подельник Вадим Шевченко – год. Их обвиняют в том, что они создали то, что "Новая газета" окрестила "группами смерти", суицидальными проектами.

Статью 110.2 ввели после публикации Галины Мурсалиевой в "Новой газете" о "синих китах", и изначально по ней судили именно за деятельность, похожую на то, что описано у Мурсалиевой. А сейчас по этой статье судят просто за мемы. В Петербурге под домашний арест отправили ещё двух девушек, Алину Рулинскую и Кристину Малиновскую, – то же самое, за паблик с мемами, где были шутки про виселицы, самоубийство и депрессию. Никого они не склоняли, никому не писали: "Я твой куратор в игре „Синий кит“, тебе нужно сделать то-то и то-то". Просто публиковали мемы. И всем им грозит от 5 до 15 лет.

– Вижу, что и от вас не отстают: прокуратура обжаловала решение суда, теперь дело отправлено на новое рассмотрение, а радикальные издания пишут о вас – возможно, не просто так, а по сигналу.

– Мы добились хорошего решения – прекращения уголовного дела, и на такое решение прокуратура подаёт апелляцию. Это стандартная процедура. Санкт-Петербургский городской суд не славится мягкостью, и весьма предсказуемо судья отменила решение Куйбышевского суда о прекращении уголовного дела, сохранив при этом меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. О том, что я за границей, суд уже давно знает, так что ожидает, видимо, только надлежащего поведения. Дальше, ближе к Новому году, дело должен рассмотреть новый судья из Куйбышевского суда, и либо дело потеряется в бюрократических процедурах, либо судья в конечном итоге рассудит, что стихотворение может привести к летальному исходу, или всё-таки не может.

Гликерий Улунов в образе гопника

Что касается последних публикаций, то в первом ноунейм-издании текст, хотя и изобилует неточностями, передёргиваниями и неправдой, хотя бы немного похож на правду. Но потом он спровоцировал реакцию ещё более недобросовестного издания. Мне кажется, это идеально описывается метафорой галлюцинаций нейросети: плохое первое издание написало по интернет-данным плохую статью, на ней "обучилось" второе и написало отвратительную, невероятно трешовую статью, где нет ни слова правды. Они написали, что я с августа 2025 года был под домашним арестом, – настолько у них феноменальный фактчекинг. Возможно, напишет кто-нибудь ещё: эти радикальные медиа поглядывают друг на друга. Но других поводов думать, что был какой-то сигнал, у меня сейчас нет.

– Сразу после освобождения вы благоразумно уехали из России. Вынужденная эмиграция может оказаться очень тяжёлым опытом. В соцсетях обсуждают самоубийство сына оппозиционного политика: он уехал вместе с родителями и покончил с собой, потому что, как он написал, не мог жить без России. Вам понятны его мотивы?

– Сам мотив – невозможность жить без России – мне пока не близок. Но я понимаю, как трудно бывает найти себе новое место. У меня в самом начале войны был небольшой опыт микро- или псевдоэмиграции: я уехал в Таиланд и просто не смог с этим опытом смириться. Не потому, что очень скучал по России, а потому, что это были совершенно новые обстоятельства, и мне банально было нечего делать. В России я учился в университетах, занимался своими исследованиями и всегда знал, куда пойти работать или отдыхать. А в эмиграции было ощущение, что у меня просто есть какой-то запас денег, я его прожигаю, а что будет дальше, не знаю.

> **“ Сложно было найти себе место, жить полностью вырванными из прежней жизни, в каком-то пограничном состоянии**

Пожалуй, для меня острее не тот случай, о котором вы сказали, а история моего друга Киломяу. У них тоже был тяжёлый опыт вынужденной эмиграции, связанный с делом DOXA, и тоже всё закончилось самоубийством. Но не оттого, что они скучали по России, а потому, что сложно

было найти себе место, жить полностью вырванными из прежней жизни, в каком-то пограничном состоянии.

У меня сейчас есть некоторая привилегия: может быть, получится поступить в аспирантуру, и это сильно упростит опыт эмиграции. Для меня гораздо важнее находиться в исследовательском сообществе, быть связанным с каким-то учреждением, где я занимаюсь своей работой, чем физически находиться в России.

При этом я часто вспоминаю Калугу. Засыпаю и начинаю грезить: вот бы телепортироваться в Калугу на 15 минут, пройтись по местам, которые мне дороги. Но когда меня выпустили, у меня не было ни секунды раздумий о том, оставаться или уезжать.

> ## Калужский словарь
>
> Бушмановка – район в Калуге, бывшая деревня,
>
> сейчас там психиатрическая больница. так оскорбляют друг друга
>
> дети
>
> и учителя: «пора на Бушмановку»,
>
> когда у кого-то вдруг начинает пропадать голос и вместо него
>
> полу-хохот полу-хрип.
>
> ещё говорят «сороковая школа»,
>
> «школа номер 2»
>
> закрытый интернат. так травят детей,
>
> говорят, куда бы их запереть.
>
> чкаться – перемещаться в пространстве
>
> без легитимных задач, в серой аптечнице
>
> собирать значки безделья, переодеться

потому что слишком уютно,

на самом деле совсем не уютно.

Шарик – монумент освоения космоса,

где подростки отмечают выпускной. один день в году полиция там не стережёт,

можно гулять круглосуточно друг другу пить,

шарик кладут на клапан, чтобы

не вытекали прожитки.

выпускники химико-биологических классов

накачивают по венам физико-химические растворы,

чтобы изгнать из сознания палево.

закрутка – состояние в начале века около кладбищ,

сейчас около наблюдательных учреждений,

когда на губах хочется пенные музыканты,

а глаза белые и в другую сторону,

кости ломит, в разные стороны разводит.

лицо человека тогда в Калуге становится экраном

для знака зодиака или отметки в паспорте.

форшмак – калужский аналог бомбочки,

для сохранности, ощущения полноты

мефедрон закладывается в тушёнку,

внедряется в тесто, потом в тело.

человек тогда насквозь в Калуге,

что-то среднее между качелями и страшным судом.

короче, слюна засыхает от муки и быстрого расхода,

калужане проверяют свою зрелость,

персик может зазвучать, и пчёлы снесут с него нектар и пыльцу,

человек может упасть высохший на асфальт,

друзья бьют по полым рёбрам –

колокол «раскалывается» звоном,

созывает ближних тушить пожар.

Аромасинтез – старый завод духов,

растворителей, лаков, полезных средств химии.

место отравленное, поражённое

бизнесмены друг другу говорят при продаже:

«пройдёт 200 лет,

а там только отцветёт ртуть».

диггеры и сталкеры залезают на территорию через колючую проволоку,

разносят на своей одежде скованное дыхание,

калужское водохранилище

забито водой кожедёркой,

илом опаляющим, ведьминым студнем.

кто ходит на Аромасинтез – самый популярный в Калуге,

расходящиеся покровы у нас – самый сильный афродизиак.

толчёнка – калужская детская забава,

хуже собачьего кайфа.

дети в Калуге боятся своих желаний,

дожидаются, когда от таблеток у них остановится дыхание,

дают со своим телом совершать что угодно.

если проснутся после всех мероприятий,

это как маленькое лето,

в глазах всё цветёт,

друзья бегают озорные, хрустит асфальт.

маечка – главное наказание подростков.

когда кто-то переходит из своего района Черёмушки

в район Маяковская площадь,

вместе с собой случайно

или намеренно взяв символ района,

сначала чужака в другом районе поколотят и обольют,

выгонят. потом «свои» лишат движения,

оденут в пластик и будут держать на складе.

утром родители пройдут все магазины,

найдут адвоката, который будет снимать проклятье.

полёт Гагарина – детская забава с алкоголем.

два напитка заливаются в рот лежащему на земле друзьями.

Виноградный день и Ягуар

или Чёрный русский и Блейзер

человек держит во рту коктейль,

берут друзья за руки и кидают вперёд,

а в полёте надо выпить всё содержимое рта.

якобы так пьянеешь быстрее,

начинаешь помнить свои прошлые опьянения,

даже те, что вышли из памяти.

сделать два полёта подряд называется «Аполлон-13»,

тогда начинаешь терять контакт со своими системами обеспечения,

когда возлюбленные делают два полёта подряд,

потом с закрытыми глазами ищут друг друга,

в сторону милого дыхания шевелятся,

это называется «Союз — Аполлон».

никакой логики за названиями не стоит,

но когда потерянные находятся,

они долго держатся за руки,

соприкасаются головокружением.

– Мы уже выяснили, что тюремный опыт лишён поэтической составляющей. А эмигрантский – очень сильный стимул для поэта: вспомним Георгия Иванова, Юрия Одарченко и многих других. Есть даже журнал "Эмигрантская лира". Вдохновляет ли вас этот опыт?

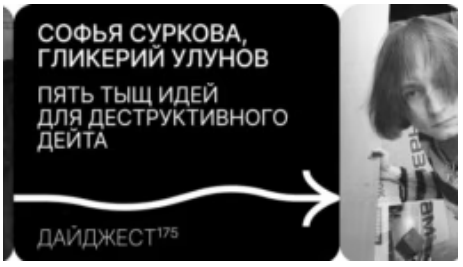
– Уточню: тюремный опыт тоже может кое-что прибавить поэтике. Но по умолчанию он не может ничего прибавить человечности, личностному, субъективному состоянию человека. А тяжёлые опыты, конечно, – это биотопливо для поэзии, для литературы. В моём случае просто пока сложно вернуться к художественной речи – может быть, потому, что моё дело было связано именно с художественным письмом, и есть психологический барьер, который нужно преодолеть. А так, конечно, эмиграция – это замечательное биотопливо и для искусства, и для подкормки человека в себе.

“ Эмиграция – это замечательное биотопливо и для искусства, и для подкормки человека в себе

– Название интернет-журнала "Флаги", с которым вы сотрудничали, отсылает к Борису Поплавскому, одному из крупнейших поэтов-эмигрантов. Близок ли вам Поплавский? И сразу вопрос о поэте другой эпохи, Аркадии Драгомощенко: в своё время вы номинировались на премию его имени. Как его воспринимают поэты вашего поколения?

– И Поплавский, и Драгомощенко для меня суперважные авторы. Поплавского я читал ещё школьником, когда мы с Максимом Дрёмовым только начинали наш поэтический путь. А позже, когда другой мой друг, Константин Чадов, открыл нам с Максимом мир современной литературы, я стал больше обращать внимание на Драгомощенко, на метареалистов.

Не могу сказать, что современные поэты воспринимают Драгомощенко как современника. Для людей моего поколения Драгомощенко – фигура для диалога, но одновременно и легендарная личность, что-то призрачное, фантомное.

СМОТРИ ТАКЖЕ

В Петербурге арестован поэт Гликерий Улунов

– Я внимательно прочитал последний номер журнала «Воздух», главным героем которого можно назвать Максима Дрёмова: он выступает там и как центральный автор, и как редактор. И у меня возникло ощущение – может быть, это звучит слишком пафосно, – что его можно назвать лидером вашего поколения поэтов.

– Смотря как определять поколение. Я помню времена, когда мы с Максимом ещё нигде не публиковались. Мы пришли на презентацию "Воздуха", когда о нас ещё никто не знал. Там был Дмитрий Герчиков, и мы воспринимали его как самую значимую фигуру среди самых молодых авторов. Пожалуй, для нашего полупоколения ключевой фигурой действительно стал Максим. Но, честно говоря, мне это сложно оценить. Тут ситуация обратная той, что с Драгомощенко: для меня Максим слишком современный, слишком реальный человек, которого я видел во плоти, с которым мы какое-то время даже жили в одних местах – например, в общежитии Высшей школы экономики. Поэтому мне очень сложно оценить его как фигуру, как участника литературного процесса, как часть истории литературы.

– А какова история вашего псевдонима? Что он означает, когда и при каких обстоятельствах появился?

– Он появился потому, что Максим Дрёмов сказал, что моё настоящее имя [Кирилл Яковлев] – полный отстой, и с ним невозможно стать настоящим поэтом. Мы тогда были очень погружены в русский футуризм, и Максим тоже придумывал себе псевдонимы, даже более нетривиальные, чем "Гликерий Улунов". К счастью, он сохранил своё имя.

А я ещё принадлежал к интернет-культуре, связанной с имиджбордами и постимиджбордовскими проектами, и в интернете я существовал не под настоящим именем: в имиджбордовской среде деанонимизироваться не принято. И вот я и так живу в сети не под своим именем, а Максим говорит, что мне нужен псевдоним. Я начинаю забрасывать его безумными вариантами – например, Алло Грибов или Маринад Андропов, – Максим все их отбивает и в итоге соглашается на Гликерия Улунова. Так этот псевдоним и сложился. Я переименовался во "ВКонтакте" в Гликерия Улунова, и постепенно настолько привык, что теперь настоящее имя воспринимается как дэднейм.

Дмитрий Волчек

Общество | Культурный дневник | Выбор Свободы